

РАЗДЕЛ II. ГОСУДАРСТВО, ПРАВО, ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

В. Ю. Васечко

(г. Екатеринбург)

Русская школа криминальной антропологии и христианская религия: несовместимость или согласие?¹

Русская школа криминальной антропологии — это течение, сформировавшееся в конце XIX — начале XX вв. в отечественной криминологии и, можно сказать, в социальной науке вообще под влиянием воззрений, так или иначе развивавшихся на Западе на протяжении всего XIX в. Представители русской ветви криминальной антропологии, как и их европейские предшественники, стараются установить и объяснить связь между анатомическими и физиологическими особенностями индивида, с одной стороны, и его моральным обликом, жизненными установками и социальным поведением, с другой. Основное внимание уделяется здесь выяснению причин склонности личности к асоциальному поведению и выстраиванию на этой основе комплекса мер, призванных эффективно обезопасить общество от криминалитета.

Признанным главой российской уголовно-антропологической школы считается Д. А. Дриль (1846–1910), впервые в отечественной литературе обративший серьезное внимание на данную проблему [1]. Среди криминологов, которые подхватили его призывы и стали расширять и углублять предметное поле новой концепции, оказались профессиональные юристы и правоведы (Л. Е. Владимиров [2], Л. И. Шейнис [3]), а также и врачи (П. Н. Тарновская [4], В. Ф. Чиж [5], Н. С. Лобас [6], В. М. Бехтерев [7] и др.).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Однако далеко не все современники были готовы принять установки и выводы сторонников этой школы. Д. А. Дрилю и его единомышленникам приходилось, например, неоднократно объяснять, что антропологический фактор типа тяжелой наследственности вовсе не является главной детерминантой превращения индивида в преступника: социальные факторы, в том числе элементарные бытовые и семейные условия, также необходимо принимать во внимание, и потому социология преступности должна изучаться не менее основательно, чем ее антропология. Но в царской России, где отсутствовала свобода совести, зато существовала государственная религия (православие), еще более тяжелым звучало обвинение, будто Д. А. Дриль и другие, полагая, что они раскрывают причины негативных социальных явлений, подрывают основы нравственности и религии, уничтожая-де понятия долга, правосудия и необходимости справедливого воздаяния злодеям и душегубам. И против такого рода упреков на грани подозрения в политической неблагонадежности тоже приходилось защищаться.

«Да, согласно науке, данный преступник поступил именно так, как он *должен* был поступить, но „должен“ не в смысле его морального долга, а по причине определенных особенностей его характера и данных условий окружающей обстановки», — утверждает Д. А. Дриль. Вместе с тем такое признание отнюдь не означает, что репрессивные действия правосудия в отношении его персоны бессмысленны или аморальны: «антропологическая школа считает нужным применять меры репрессии не за то, а только потому, что человек оказался безнравственным и преступным, и притом для того, чтобы по возможности изменить его и приспособить к обществу, а в случае невозможности — обезопасить от него общество. Она знает, что преступление совершено и совершено не случайно и что в нем проявились вредоносные особенности личности, но она не гадает о том, мог или не мог данный преступник выдержаться и поступить иначе при данных условиях окружающей обстановки» [8, с. 175]. И потому совершенно безосновательны обвинения противников антропологической школы в том, что она якобы смешивает нравственное и безнравственное, проповедуя безответственность порока и преступления.

Представители уголовно-антропологического направления стараются дистанцироваться от философии, будучи в убеждении, что у философии и науки задачи далеко не совпадающие. Их собственное кредо близко к позитивизму: наука не должна становиться ареной споров материалистов с идеалистами, которые часто вырождаются в беспредметные препи-

рательства и спекуляции. Наука «имеет свою особую задачу — всестороннее изучение преступника во всех его особенностях, как психических, так и физических. Поэтому учения уголовно-антропологической школы одинаково согласимы с различными общими мировоззрениями» [8, с. 174].

Важно подчеркнуть, что тот утилитаризм в подходе к правовым проблемам, в котором часто упрекали кримиологов-антропологов их оппоненты, вполне сочетается с требованиями не только морали, но и религии, о чем они, оставаясь верующими христианами, не устают напоминать. Д. А. Дриль, например, удивляется и даже возмущается теми деятелями, которые думают, что Евангелие, например, само по себе, а жизнь, в том числе отправление государственных дел и правосудия, это особая статья. «Существует великая книга, известная нам с раннего детства. Книга эта — Евангелие, провозглашающее светлую, одухотворяющую религию мира и любви и дающее в руки основные, руководящие начала» в любом деле, в том числе и в деле борьбы с преступностью. «К несчастью, для недостаточно нравственно развившегося общества начала эти плохо проводятся и осуществляются в жизни исповедниками Евангелия, а в отдельных случаях ... они путем изворотливых толкований, к которым так склонен заинтересованный ум, даже открыто оспариваются в отношении их применимости к руководству государственно-общественной жизнью» [9, с. 187].

Лично для Д. А. Дриля картина здесь совершенно ясная: устранение понятий об отмщении, возмездии, терроризировании с заменой их на понятие спасительных мер, предназначенных оказывать целесообразные воздействия на психофизику человека, «вполне совпадают с теми правилами, которые для тех же случаев нам диктуются учением Христа» [9, с. 589]. В его личном мировоззрении нет пробела между знанием и верой, наукой и моралью, здесь все они взаимосвязаны и проникают друг в друга. В определенном смысле можно говорить даже о том, что требование объективной истинности подчинялось у него требованиям нравственности. Как отмечал один из близких друзей Д. А. Дриля, «чувство любви, чувство симпатии даже к падшим и порочным натурам, стремление отыскать пути к их исправлению преобладали в нем и заслоняли объективный анализ явления. Он чувствовал, что к каким бы научным выводам мы ни приходили, эти оскуделые натуры являются обиженными судьбой, обиженными в громадном большинстве не за свои грехи, а за грехи других» [10, с. 768]. А другой говорил о том, что в современной литературе называется «космическим мироощущением», о слиянии в его сознании индивидуальной жизни с жизнью мировой,

собственных, внутренних творческих сил с объективными творческими силами и процессами, действующими в человечестве и универсуме: «Он должен быть участником этих процессов, и не только в их зоологических течениях, но сознательно, своей деятельностью творить жизнь: содействовать людям в удовлетворении их жизненных потребностей, помогать им в использовании жизни, должен сеять вокруг себя добро и счастье как источники своей жизни и жизни других. Тогда только он поднимется до великого значения венца природы, сознательно идущего по начертанному ею пути и исполняющего волю Великой Творческой Силы вселенной» [11, с. 670].

Оставаясь последовательным христианином, Д. А. Дриль стремился бескорыстно помогать не только тем, кто обращался к нему по материальным, бытовым, служебным вопросам, но и тем, кто просил о заступничестве по политическим делам, а такие хлопоты были далеко не безопасны: «Дмитрия Андреевича как „заступника“ нередко встречали холодно и даже с подозрением. Один из сановников весьма недвусмысленно намекнул ему как-то, что столь упорное заступничество, какое проявляет он, может окончиться для самого Дмитрия Андреевича довольно плохо». Но этим его нельзя было ни смутить, ни остановить — он продолжал делать то, что считал нужным: одним добивался смягчения наказания, другим улучшения условий ссылки, для третьих ускорения, выяснения или пересмотра дела и т. д., максимально используя свои профессиональные юридические знания. «Он никому не отказывал в заступничестве, если только представлялась хоть малейшая возможность помочь, и хлопотал, несмотря ни на какие косые взгляды на него и неудовольствия. Он, по евангельскому выражению, возлюбил ближних своих, как самого себя, и не боялся душу свою положить за други своя» [7, с. 673].

Итак, пример лидера русской уголовно-антропологической школы (который можно подкрепить и характеристиками взглядов и деятельности продолжателей его дела) с очевидностью демонстрирует нам, что последовательная научность и христианская религиозность не исключают друг друга. Искреннее стремление понять вещи такими, каковы они суть, будучи необходимой предпосылкой мышления подлинного ученого, вполне может сопрягаться с религиозной верой и даже укреплять, подпитывать эту веру. Как и наоборот. Главное условие здесь — убежденность человека в том, что его эпистемологическая активность имеет смысл только как элемент и звено его онтологического бытия в мире. Сознание же такого смысла неотделимо от принятия некоторых религиозно-метафизических допущений, причиной и коррелятом которых выступает

не континуум эмпирической науки, а некоторая высшая, духовная, недоступная органам чувств реальность.

Список источников

1. *Дриль Д. А.* Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями: частная психология преступности. М., 1890.
2. *Владимиров Л. Е.* Психологическое исследование в уголовном суде. М., 1901.
3. *Шейнис Л. И.* Биологические и социальные факторы преступности // Мир Божий. 1903. № 4.
4. *Тарновская П. Н.* Женщины-убийцы: антропологическое исследование. СПб., 1902.
5. *Чиж В. Ф.* Криминальная антропология. Одесса, 1895.
6. *Лобас Н. С.* Убийцы: некоторые черты психофизики преступников. М., 1913.
7. *Бехтерев В. М.* Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности. М., 2010.
8. *Дриль Д. А.* Преступность и преступники: уголовно-психологические этюды. М., 2010.
9. *Дриль Д. А.* Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2010.
10. *Щеглов А. Л. Д. А.* Дриль как криминалист-антрополог. М., 1913.
11. *Слобожанин М.* Черты из жизни и деятельности Д. А. Дриля. М., 2010.

А. Б. Малявина

(г. Ростов-на-Дону)

История государственно-религиозных отношений в России и особенности их правового регулирования

В истории сложилось три формы отношений между государством и религией: либо государственный строй подчинял себе религию, либо государство подчинялось религиозным учреждениям, либо отношения между государством и религией строились на основе паритета.

В российской истории прослеживается тесная связь между становлением государственных форм и институализацией религии. Существуют разные подходы к классификации типов государства. Господствующий в теории государства и права марксистский фор-